

ЗОЛОТАЯ ЭРА

ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

**ВИКТОР
ПРОНИН**

**БОЖЬЯ
КАРА**

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-44
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Пронин, Виктор Алексеевич.
П81 Божья кара / Виктор Пронин. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-166531-9

Криминальный журналист Андрей приехал в Коктебель в разгар сезона. Но вместо долгожданного отдыха курорт ошеломил его неожиданной новостью: изнасилована и зверски убита дочка его старой знакомой. Мать погибшей созналась, что несчастная девочка — внебрачная дочь Андрея, о которой тот ничего не знал. Охваченный яростью журналист порывается самостоятельно найти и отдать под суд преступника. Но убитой горем женщине законной справедливости мало, она приготовила маньяку свою, более жестокую кару...

**УДК 821.161.1-44
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-166531-9

© Пронин В.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

О, эта подлая постель,
О, этот злобный Коктебель,
О, будь ты проклят и забыт!
О, счастье — дождик моросит...

Ну что, Витя, поехали...

Мой друг, писатель Леонид Бабанин, прошлым летом прошел пешком от Ханты-Мансийска до Москвы. Даже если его путь всего лишь проследить по карте, расстояние вызывает страх и ужас. Примерно такое же состояние испытываю сейчас и я, находясь в самом начале романа, — мне предстоит преодолеть трехсотую страницу, а там уж как бог даст. Бабанин шел два месяца. У меня примерно столько же времени. Ему было легче — его не одолевали соблазны, а у меня рядом, в одном километре, гудит, грохочет, клокочет Москва. Но я не могу больше носить в себе историю, которую собираюсь рассказать, такое никто не сможет носить в себе слишком долго. Да и зачем, если есть бумага и два месяца свободного времени... (Сразу признаюсь... Не уложился я в два месяца и в четыре тоже. Полгода моей единственной жизни сожрали эти страницы — все дождливое лето 2008 года, да еще прихватили конец весны и начало осени.)

Коктебель... Опять Коктебель...

Когда-то я воспел его в «Брызгах шампанского» с восторгом искренним и неудержимым. Но все меняется. Строчки в начале этой страницы передают нынешнее мое к нему отношение. Возможно, когда-нибудь я снова его полюблю, любовью легкой и необязательной, но чуть попозже, чуть попозже...

Поезд из Днепропетровска в Феодосию приходил на рассвете, чуть ли не в четыре часа утра, но было уже светло, и утренняя сумеречность быстро исчезала под напором поднимающегося из-за моря розового сияния. Свежий, ночной еще воздух трепал вагонные шторы, сонная проводница незлобиво ворчала на бестолковых пассажиров, за окном мелькали редкие алые маки, голубоватая крымская полынь чуть колыхалась на слабом ветерке.

Все это было знакомо, все радостно волновало и обещало скорую встречу с морем. Недолго постояли у Владиславки, еще меньше у Айвазовской и — впереди осталась только Феодосия. Сквозь мутные, годами невытые стекла вагонов можно было рассмотреть еще пустынные пляжи, потом потянулась набережная, утыканная разноцветными киосками. И, наконец, состав, скрежеща и содрогаясь всем своим ржавым железным телом, начал тормозить.

Приехали.

Феодосия.

«А вы не ждали нас, а мы приперлися», — пел я когда-то в давние наши глупые и веселые времена. — «Многих уж ребят с тех пор не стало, многие подались кто куда, времена счастливые настали — снова появились господа... Но исчезли наши переулки, наши подворотни и дворы, не услышишь больше старой «Мурки», подрастают юные воры...»

Такие вот теперь песенки пошли...

Авось и других дождемся.

Водитель, видимо, узнал Андрея, поздоровался, подхватил его сумку и, не спрашивая согласия, поволок ее к машине. Андрей не возражал. В Коктебеле его многие знали.

— Как погода? — спросил он, когда уже выехали за город.

— Ну, ты даешь! — рассмеялся Саша, только сейчас Андрей вспомнил, что водителя звали Сашей. — Какая погода может быть в июле в Коктебеле! Снег валит каждую ночь! Но к утру тает.

— А вода?

— Двадцать три. Сойдет?

— Стерплю.

Саша долго молчал, обогнал машину, еще одну, на горизонте показались острые вершины Карадага. Улучив момент, он быстро взглянул на Андрея:

— Докладываю... У Наташи все в порядке. Весела и хороша собой.

— Пользуется успехом?

— Как никогда!

— Дай бог, — сказал Андрей спокойно. Почти спокойно. — К ней не пробиться?

— Можно, но не стоит. Там такие качки... В Коктебель боксеры на сборы приехали... И тяжеловесы. Юношеская сборная Украины.

— Круто... А Света?

— А у Светы плохо.

— Болеет?

— Хуже.

— Но хоть жива? — спросил Андрей, уже не зная, что думать.

— Еле-еле душа в теле.

— Говори уже наконец!

— Понимаешь... Андрюша... Дочка у нее... Погибла дочка. Леночка... Месяца два назад.

— Утонула?

— Хуже... Ты вот что... Загляни к Свете... Она сейчас маленько не в себе... Что сможет, сама расскажет. Не все она рассказывает, не всем... Ты обязательно к ней зайди... Это не мое, конечно, дело... Но Коктебель — поселок небольшой...

— Саша, — простонал Андрей, — не тяни!

— Видишь ли... В поселке поговаривают... Леночка-то... На тебя похожа. Была.

— Так, — протянул Андрей озадаченно. — Так... На одного меня?

— Андрюша... Я все понимаю. Коктебель — поселок не только маленький, но и блудливый. Как сказал наш поэт Жора Мельник... «Я проснулся — нет вина, и к тому ж в чужой постели... Значит, точно с будуна, значит, точно в Коктебеле».

— Как поживает Жора?

— Хорошо поживает. Выпустил книгу... «Души нетрезвые порывы». Пользуется бешеным успехом у юных красавиц.

— Жора или книга?

— Оба! — хмыкнул водитель.

— Света живет там же?

— А где же ей еще жить?

— Тоже верно...

— К ней едем? — осторожно спросил Саша.

— Да боязно спозаранку... После твоих рассказов... Зайду, конечно. Позже. Еще застану там кого-нибудь... Из юношеской сборной.

— Ей сейчас не до этого... Она знает, что ты приезжаешь?

— Нет. Только Жора.

— Что ж он не встретил?

— Да ладно... Чего мужика дергать в такую рань. Ему пришлось бы среди ночи в Феодосию мчаться... Он тоже все знает?

— Все знают.

— Почему же он мне ничего не сказал? Мы перезванивались...

— Стеснялся.

— Так что там с Леночкой? Задушили, зарезали, изнасиловали?

- Всего понемножку. Куда едем?
- В Дом творчества.
- Там сейчас никого нет.
- Вахтер-то найдется... Муха на месте?
- При исполнении. Муха всегда на посту.

Машина, не снижая скорости, проехала в громадную ажурную арку с надписью, которую можно было прочитать за километр, — «Коктебель — страна коньяков».

— Соответствует? — спросил Андрей, кивнув на арку.

- Еще и как! Убедишься сегодня же...

Когда-то, кажется, совсем недавно коктебельский Дом творчества писателей был едва ли не самым соблазнительным местом в стране. Сюда стремились не только те, чьи портреты украшали школьные учебники по литературе, но и юные дарования, жаждущие увидеть классиков хотя бы издали, а если повезет, то и прочитывать им свои незрелые стишата. Сейчас весь роскошный парк перегорожен железными заборами на участки, у каждого уже свой хозяин, кто-то уже вырыл траншеи под фундамент, вырубил акации и кипарисы, завез бетонные блоки, плиты, перемычки — новая жизнь наступает решительно и необратимо.

Да и классики куда-то все подевались, не видно их последнее время ни на коктебельской набережной, ни в нижнем буфете Дома литераторов в Москве, ни на книжных ярмарках — замкнулись, в себя ушли, в угрюмом молчании переживают счастливые перемены в стране.

Административный корпус стоял темный, с закрытыми дверями, которые вдобавок были еще укреплены кованой решеткой. Андрей постучал, в глубине здания возникло какое-то движение, и он увидел знакомое сонное лицо Веры — бывшей хозяйки столовой Дома творчества.

— О, какие люди! — радостно закричала она и при-
нялась отмыкать замки. — К нам?

— Как получится... Если возьмете.

— У нас нынче дорого.

— Да слышал... Поставили телевизоры и увеличили
плату в десять раз.

— Как и везде, Андрей Николаевич. На диване по-
стелить?

— Давай на диване.

— Часа три еще можно поспать. Может, у меня и
поселишься? Совсем рядом, за забором... Условия даже
лучше, чем здесь...

— Как получится, — повторил Андрей.

Вера погасила свет в вестибюле и ушла в свою ка-
морку. Андрей, не раздеваясь, лег поверх одеяла и, за-
кинув руки за голову, попытался разобраться во всем,
что рассказал Саша.

Света... Что-то у них с ней получалось, что-то не полу-
чалось... Коктебель действительно небольшой поселок,
и без внимания она здесь не оставалась ни летом при
наплыве отдыхающих, ни зимой при саднящей тишине,
пустоте, когда от безлюдья можно было тронуться умом.
В любимчиках Андрей у нее давно уже не числился, и
теперь, в последние годы, ему вполне хватало вечерней
беседы с тем же Жорой Мельником или со Славой Лож-
ко — на голубой скамейке у набережной они частенько
распивали бутылку-вторую холодного алиготе, обсуж-
дая подробности быстротекущей жизни.

Леночка... Ей было лет десять... Поэтому если она
и была похожа на Андрея, то по чистой случайности.
Десять лет назад его здесь не было, десять лет назад он
ездил в Пицунду. Там и лето длиннее, и море чище...
А песок, какой там песок! А какую чачу делали местные
виноделы... Коктебельский коньяк не сравнится — он и
жестче, да хмель какой-то нерадостный. А от чачи шел

дух «Изабеллы», «Лидии»... Виноград нашей молодости, ребята. И хмель чача давала легкий, веселый, беззаботный! Хотя вполне допускаю, что и легкость, и беззаботность давала не столько чача, сколько те еще наши годы.

Повздыхав, поворочавшись на диване, Андрей в конце концов все-таки заснул. Не поверил он водителю. И в те ужасы, которые сам же и расписал, тоже не поверил. У Коктебеля были, конечно, недостатки — мог здесь человек и загулять, и запить, мог удариться в другие не менее соблазнительные пороки, но чтобы вот так... «задушили, зарезали, изнасиловали», как Андрей предположил в глупом каком-то кураже... Нет, невозможно, опять же Света местная, а местных здесь стараются не трогать, разве что они сами пожелают оторваться с приезжей компанией. На что уж Наташа любит распоясаться, но и ее чаще можно увидеть с местными. С ними можно и покурить чего-нибудь запретного, и выпить лишнего, не опасаясь, что бросят тебя где-нибудь в состоянии беспомощном и недостойном.

Проснулся Андрей уже в девятом часу. Солнце ломилось в окна с такой силой, что, кажется, под его лучами прогибались стекла, за окнами раздавались голоса, гул машин — теперь уже и машинам позволено было ездить по заветным аллеям парка. Вера еще спала, и он не стал ее будить. Сложив белье в стопку, расположив сверху подушку и распрямив, одернув все четыре уголка, Андрей подхватил свою сумку и вышел в парк.

Сквозь зелень деревьев пробивались солнечные зайчики, загорелые красавицы стайками торопились по центральной аллее к морю, знакомый вахтер Муха у железных ворот приветствовал его, как всегда, радостно и хмельно.

— Денег у тебя одолжу потом, — таинственно прошептал Муха. — А пока обживайся.

— Договорились, — ответил Андрей.

Все в это утро было прекрасным, но не покидало Андрея не то дурное предчувствие, не то отголоски разговора с водителем, не то собственные неосторожные слова, выскочившие как бы сами по себе, как бы даже без его участия. Знал он, не впервой, что подобное состояние не бывает на пустом месте, не бывает зряшным. Что-то все-таки случилось со Светой, что-то громоздкое, тяжелое и неприятное ожидало его на пятом этаже дома в Долинном переулке.

Андрей взял в киоске коньяк, бутылку пива и расположился на скамейке лицом к солнцу. Пиво было холодное, киоскерша Надя поздравила его с прибытием, Саша от своей машины помахал рукой, напоминая, что он на месте и в случае чего всегда готов куда угодно. Андрей тоже взмахом руки ответил, что все понял, что водителя и необыкновенное его мастерство помнит, и в случае чего только к нему и ни к кому больше...

Коктебель узнавал его, приветствовал в первое же утро и готов был принять в свои объятия. Но в душе продолжало что-то ныть и жалобно поскуливать. Не выдержав, Андрей бросил в железную урну бутылку с остатками пива, набросил ремень сумки на плечо и, не останавливаясь, зашагал в сторону рынка, к Долинному переулку. Не зря он тянул время, не решаясь появиться у Светы до девяти часов — опасался застать у нее ночного ухажера, как это уже бывало.

Коктебель — куда деваться.

По ступенькам Андрей поднимался медленно, чтобы не запыхаться к пятому этажу. На площадке постоял некоторое время и наконец решил позвонить.

Дверь открылась тут же — на пороге стояла Света.

— А, это ты, — проговорила она без выражения и, пропустив в коридор, закрыла за его спиной дверь, задвинула щеколду замка. — Не разуйся, — сказала она, увидев, что он наклонился к босоножкам.

— А может, все-таки... — начал было Андрей, но Света не дослушала.

— Как хочешь. — Она первой прошла на кухню, села спиной к окну, забросила ногу на ногу и закурила. — Присаживайся. Выпить есть?

— Коньяк.

— Давай по глоточку.

Что-то в Свете озадачивало Андрея. Он попытался понять, взглянул на нее внимательней. Похудела, осунулась. Ногти не в порядке. Домашний халат, а под ним, похоже, ничего. Загар на груди сплошной. Значит, с нудистами загорает, как обычно. У блондинок часто волосы у корней темные — у Светы этого никогда не было, нет и сейчас. И глаза... В глазах у нее вроде затаилась та темная громоздкость, которая привиделась ему, когда он лежал на диване в вестибюле Дома творчества.

— Ну что? — спросила Света. — Изменилась?

— Немного есть.

— Знаю. — Она раздавила окурочек в переполненном блюде, взяла у Андрея бутылку, одним движением свинтила пробку и плеснула в две чашки, стоявшие на столе. — Извини, не хочется возиться с рюмками. Я помню твою привычку — протирать рюмки до хруста... Попозже, ладно? Будем живы. — Она глухо ткнулась чашкой в чашку Андрея, выпила коньяк одним глотком и снова закурила. — Как поживаешь?

— Поживаю, — Андрей повертел ладонью в воздухе. — По-разному. Мне уже успели сказать... У тебя что-то случилось?

— Это тебе так сказали? У меня что-то случилось?

— Водитель по дороге... Саша, ты его знаешь...

— И что же он сказал?

— Да ничего толком... Сказал, что ты сама расскажешь... Если захочешь.

— Правильно сказал... Лену убили. Задушили, зарезали, изнасиловали.

Андрей вздрогнул, услышав слова, которые сам недавно произнес. Не зная, что ответить, наполнил чашки. Отставил бутылку, поднял свою чашку, Света тут же взяла свою.

— Давай, Андрюша... Я могу разговаривать только после двухсот грамм коньяка. Будем живы. Хорошо, что ты зашел... Мне Жора сказал, что ты приедешь... У него книжка вышла... Слышал? Он тебе подарит... Всем дарит.

На этот раз Света выпила медленно, осторожно поставила чашку на стол и откинулась на спинку продавленного пляжного кресла.

— Когда это случилось? — спросил Андрей.

— Днем. Я отлучилась в Феодосию. Часа на три.

— Где?

— Дома. Здесь.

— А как он вошел? Лена впустила?

— Нет... Он ее впустил.

— Так...

Андрей работал журналистом, писал очерки на криминальные темы — следственные, судебные, адвокатские. Он знал взаимоотношения судьи и прокурора, адвоката и подследственного, следователя и оперативного работника. Были у него в прошлом заметные подвиги — как-то удалось снять областного прокурора, понизить в должности министра, нескольких человек вытащил из-за колючей проволоки, и это получалось, хотя и нечасто. Пусть нынешние, вроде бы при свободе, без цензуры, попробуют добиться чего-нибудь похожего. Впрочем, они и не стремятся к этому. У них другие заботы, да и журналистика нынче другая, другие цели — личные, мягко выражаясь.

За краткими ответами Светы ему открывалось гораздо больше, чем она могла или хотела сказать. Умел он вести подобные расспросы и знал — главное, не пережать, не показать излишнего своего интереса, не проявить своего отношения к убийству. Вопросы должны быть простенькими, не беда, если они покажутся глуповатыми, за ними — искренность и потрясение.

— Значит, он пришел в квартиру раньше Лены? — Андрей повторял вопросы, на которые уже получил ответы — Света говорила нечто такое, что трудно было понять с полуслова.

— Ты, Андрюшенька, стал на удивление сообразительным, — кривовато усмехнулась Света.

— Стараюсь.

— Да, он пришел в квартиру раньше Лены и дожидался ее уже здесь.

— А как вошел?

— Через дверь.

— У него был ключ?

— Да.

— Где же он его раздобыл? Украл? Нашел? Снял слепок?

— Все проще, Андрей... Я сама ему дала.

— Ключ? — не удержался от уточнения Андрей.

— И кое-что еще... Рассказать подробнее?

— В другой раз. Его взяли?

— Нет.

— Успел сбежать?

— Нет. Он в Коктебеле. Загорает, пьет коньяк, знакомится с девушками... Прекрасно себя чувствует. Здоров, весел, слегка пьян.

— Но убил Лену он?

— И все остальное с ней проделал тоже он.

— А что еще он с ней проделал... Кроме того, что убил? — Андрей чувствовал, что вопросы задает действительно дурацкие, но других у него не было.

Все, что говорила Света, выходило за рамки здравого смысла. Она сама дала убийце ключ, уехала на три часа в Феодосию, убийца дождался ребенка, изнасиловал, убил и благополучно ушел... Андрей молча взял со стола бутылку, снова наполнил чашки коньяком и, не дожидаясь, когда Света возьмет свою чашку, выпил.

А Света поднялась, прошла в комнату и тут же вернулась.

— Посмотри, — сказала она, протягивая снимок.

Андрей легко взял фотографию, всмотрелся и тут же зажмурил глаза. Не закрыл, не прикрыл, а именно зажмурил, словно опасался, что изображение просочится сквозь неплотно сомкнутые веки. Прошло какое-то время, пока он решился снова взглянуть на снимок. Видимо, его сделали уже в морге. Глаза девочки были приоткрыты, и она смотрела прямо на Андрея. И даже легкая улыбка, казалось, чуть тронула ее губы. Но это был мертвый взгляд, и улыбка мертвая. Но ужаснуло Андрея другое в снимке — все тело было покрыто ранами от ножа. Убийца, видимо, потерял самообладание и бил куда попадал.

— Двадцать шесть ударов ножом, — негромко проговорила Света.

— Многовато, — некстати проговорил Андрей.

— Да уж куда больше. — Света не заметила странного замечания Андрея.

— Это сколько же ей было... Десять лет?

— Восемь.

— Подожди... Ты же говорила, что ей десять! Ты не один раз мне говорила, что ей десять лет, а в школе она отстает на два класса по болезни... Ты же сама мне говорила!

— Врала, — усмехнулась Света. — Чтобы успокоить тебя... Уж больно ты переживал, все добивался от меня, сколько ей лет... Вот я и сказала, что десять. И у тебя сразу все вопросы отпали, поскольку десять лет назад мы с тобой еще не были знакомы. И снова у нас мир, дружба и даже что-то вроде любви, да, Андрюшенька?

— А Лена...

— Она все знала. Дети чувят. Ей и слова-то мои были не нужны. Как-то прибегает ко мне работу, я тут недалеко в магазин на зиму устроилась продавцом... Так вот, прибегает, счастливая вся, глаза сияют, даже шапочку не успела надеть — папа звонил! Это ты как-то среди зимы вспомнил обо мне...

— То-то мне Саша сегодня в машине намекнул... На тебя, дескать, Лена была похожа.

— Да что там Саша! Весь Коктебель об этом судачит! Но теперь-то тебе нечего бояться, никто на шею не сядет!

— Лучше бы уж села. — Андрей осторожно положил снимок на стол изображением книзу.

— Эти бы слова, да чуть пораньше, — тихо проговорила Света. — Я этот снимок каждый вечер под подушку кладу... И знаешь, к утру раны у нее на теле меньше становятся. Представляешь, затягиваются. Когда мне в милиции этот снимок вручили, раны были куда больше... Не то что сейчас... И глаза у нее на снимке открываются все больше, улыбка появилась... Слабенькая такая улыбочка, но все-таки... — Света взяла снимок и, склонив голову к плечу, еще раз всмотрелась в него. — Надо же, улыбается. У нее раны ведь совсем затянутся, да? — Света доверчиво посмотрела на Андрея, словно ожидая, что он подтвердит ее слова.

— Ладно, — сказал он. — Разберемся. А почему милиция его не взяла?

— Они не знают, кто это сделал.

— Ты не сказала?

— Нет.

— Почему?

— Так надо.

— Ты не хочешь, чтобы его наказали?

— Ты что?! Конечно, хочу!

— Не понял?

— Я не хочу, чтобы его наказала милиция, не хочу, чтобы был суд, чтобы все выясняли, выспрашивали, уточняли подробности, куда он вначале ударил, куда ударил потом, изнасиловал он ее сперва или задушил... Не хочу. Ни милиции, ни суда, ни приговора не хочу.

— Тогда я сам с ним разберусь.

— Нет, не надо.

— Так. — Андрей посмотрел на бутылку, в которой еще оставался коньяк, но наливать не стал. Разговор опять оказался за пределами здравого смысла, Света, похоже, поплыла, и психиатр ей бы не помешал.

— Думаешь, умом тронулась? — Она усмехнулась. — Нет, — захмелев, Света медленно поводила указательным пальцем из стороны в сторону. — Я не хочу никакого правосудия, никакой людской справедливости. Я хочу божьей кары. Бог не может такое простить. Вот он пусть его и накажет. Как сочтет нужным. И как бы он ни поступил, я буду согласна.

Андрей помолчал, окинул взглядом кухню, взгляд его снова уперся в бутылку, на этот раз он не стал бороться с собой и разлил остатки коньяка.

— Знаешь, есть пословица... Бог, конечно, все видит, да не скоро скажет.

— Я подожду. — Света, не чокаясь, выпила свой коньяк. — А пока... Пока я буду наказывать его свободой. Ты где остановился?

— Вера приглашала.

— Правильно. У меня не надо. Я сейчас плохая, как ты успел заметить, — и легкая, почти неуловимая вульгаринка прозвучала в ее тоне. — А ключи вот возьми на всякий случай.

— Это те самые ключи?

— Да. Он впопыхах оставил их в двери. Жизнь прижмет — заходи в любое время.

— Спасибо. — Андрей подбросил ключи на ладони. — Не с ними ли я провел прошлое лето?

— Они самые. Не бойся, они уже незаразные — я их неделю в водке отмачивала.

— А я случайно не наткнусь здесь на кого-нибудь?

— Не наткнешься, Андрюшенька. Это я тебе обещаю.

— Как зовут этого придурка?

— Не скажу.

— Я его знаю?

— Нет, он из новеньких.

— Телефон Веры помнишь?

— Что за глупые вопросы!

— Мне надо идти... Вот номер моего мобильного. — Андрей положил на стол визитку. — Извини. Я загляну. Ни пуха.

— К черту!

Андрей больше не мог находиться в этой квартире, не мог вести почти сумасшедший разговор и, уходя, попросту сбежал, а если уж точнее — спасался. Подхватив свою сумку, он набросил ремень на плечо, у двери обернулся. Что-то надо было сказать, какие-то слова произнести, посочувствовать... Но нет, не нашлось у него слов. Может, и к лучшему, подумал он, спускаясь по лестнице. Слова, сказанные в такие вот печальные минуты, имеют обыкновение выныривать из прошлого в самые неподходящие моменты и вмешиваться уже в ту жизнь, в события, которые случатся через годы. И не

всегда вмешательство давних случайных слов уместно, часто оно просто разрушительно. Лучше уж без них обойтись. Скажу что-нибудь попозже, решил Андрей.

«Значит, говоришь, затягиваются раны, — мысленно обратился он к Свете. — И глазки открываются, и улыбка все шире... Если так дальше пойдет, прыгнет она однажды с каменного стола в морге и пойдет бродить по коктельским набережным... Хотя куда это меня занесло... Ведь давно уже похоронили девочку».

Должность у Веры в Доме творчества была не слишком высокой — заведующая столовой. Но дом она построила хороший, трехэтажный, почти на территории парка. До моря можно было дойти минут за пять. Поэтому летом комнаты в доме не пустовали, несмотря на цену. Серьезная цена была у Веры, как, впрочем, и у всех, кто жил весь год на эти летние заработки.

Андрею досталась комната на третьем этаже — маленькая, но со всеми удобствами и с совершенно потрясающим видом на Карадаг. Один этот вид, наверно, стоил половину общей цены. Не задерживаясь, Андрей бросил сумку в угол, запер дверь и спустился вниз.

— Глоточек? — окликнула его Вера, женщина молодая, жизнерадостная и прекрасно понимающая, чего хочется постояльцу, который первый раз спустился во двор.

Андрей молча подошел к небольшому столику в тени акаций, сел на табуретку, подпер руками подбородок и в упор посмотрел на хозяйку.

— А в прошлом году не спрашивала, — ворчливо проговорил он.

— Я и сейчас не спрашиваю... Я напоминаю. — Из большой квадратной бутылки она наполнила стакан густым темно-красным вином.

Андрей залпом отпил полстакана, вытер ладонью губы, улыбнулся.

— Кагор?

— Он самый.

— Вот только сейчас понял, что я в Коктебеле.

— У тебя еще будет возможность повторить эти слова не один раз.

— И повторю! — отчаянно произнес Андрей и допил вино.

— Добавку? — спросила Вера.

— Сейчас не надо. Я уже после пива и коньяка... А вот буду уезжать — десять литров с собой прихватчу.

— Подготовлю, — кивнула Вера. — Светку видел?

— Видел.

— Как она?

— Плохо. Похоже, чуть сдвинулась.

— Это многие заметили.

— Дитё твое? — Вера исподлобья в упор посмотрела на гостя.

— Не знаю... Вряд ли и она знает это наверняка. У нас с ней до сих пор разговора об этом вообще не было.

— А сейчас?

— Дала понять.

— Привыкай. Этот разговор будет возникать постоянно. С кем бы ты ни встретился. У Светки здесь своеобразная репутация... Ты знаешь. Но это убийство ее как бы очистило. И потом — убит твой ребенок. В этом ни у кого нет сомнений. Зверски убит.

— И у тебя тоже нет сомнений?

— Никаких. — Вера взяла бутылку и наполнила два стакана. — Конопушки на носу, глазки голубенькие, ушки врастопырку... Никуда не денешься. Плод коктейльской любви. Не ты первый, не ты последний.

— И что же делать?

— Жить. Но... Осторожно.

— В каком смысле?

— Светка недавно заглянула ко мне... Мы с ней хорошо посидели за этим столиком. Пили вот этот кагор. Из этих же стаканов. Она мне кое-что рассказала... Немножко приоткрылась... Вернее кагор ее чуть приоткрыл. Болтать не буду, не моя это тайна, но она и тебе расскажет. Не выдержит.

— Уже, — обронил Андрей.

— Ну, вот видишь... — Вера подняла свой стакан. — Отдыхай, загорай, пей коньяк с хорошими людьми, — она усмехнулась, — но по сторонам оглядывайся. — Вера отпила глоток. — Если она поделилась со мной, с тобой... Наверняка мы не единственные. Женской своей дубленой шкурой чую дыхание нехорошего ветра. Вы оба в опасности. И ты, и Светка. С похоронами Леночки ничего не закончилось. Все продолжается. И она, дура, своими гуманными хохмами все только усложняет. Или, как говорили в свое время мои клиенты в писательской столовой, усугубляет. Я внятно выражаюсь?

— Вполне. А откуда опасность?

— Значит, ни фига ты не понял. Тебе Леночки мало? Пока Светка и ты живы, этот тип не может чувствовать себя в безопасности. Так понятней?

— Выходит, хлопотная у него жизнь началась.

— Знаешь, Андрей... Ты вот только сегодня появился... У нас эта жизнь началась два месяца назад.

— А вам-то чего беспокоиться?

— Так ведь маньяк завелся в наших краях! Он не остановится. Они такие, маньяки. Остановиться не могут. Пройдись вечерком по набережной... Она куда свободнее, чем это бывает в июле. И ночных купаний что-то не видать... Мои постояльцы, кстати, ночью не приходят по одному... Кучкой возвращаются.

— Осадное положение? — Андрей с улыбкой взял стакан.

— Тебе Светка показывала Леночкин снимок из морга? Это смешно? Забавно? Особенно, когда она говорит, что на снимке раны у Лены затягиваются, улыбка появляется... Тебе говорила об этом? Молчишь. Значит, говорила.

— А кагор хороший. — Андрей отпил глоток вина.

— Ха... Из заводских бочек. Как говорится, цельный. Нигде не разбавленный, ни в каких цистернах еще не побывавший. А вообще-то мы тебя раньше ждали.

— Не знал я! — почти закричал Андрей. — Не знал!

— Светка не позвонила?

— Нет!

— Дура, — беззлобно сказала Вера.

— Пойду я. — Андрей допил вино уже стоя. — К Славе загляну.

— Он у себя. Час назад в «Богдане» видела.

Протиснувшись сквозь узкую калитку, предназначенную, похоже, только для своих, Андрей оказался в парке Дома творчества. Постояв некоторое время, он наугад пошел по еле заметной тропинке. С таким примерно ощущением он ходил когда-то по остаткам Трои, маялся среди уцелевших колонн греческих храмов, бродил по древнему стадиону на острове Родос. Вроде как бы что-то и осталось, но жизнь ушла. Не было жизни ни в Трое, ни среди мраморных, пожелтевших от времени колонн, не грохотали трибуны азартом жизни на непривычно вытянутом Родосском стадионе. Хотя трибуны эти, вытесанные из камня тысячелетия назад, и сейчас готовы были принять толпы болельщиков в белых туниках...

Да и в адидасовских майках тоже.

Не было жизни и в парке Дома творчества. Хотя остался вечно пустой бассейн с каменной глыбой, торчащей в ясное небо, кое-где просматривались тропинки, остался постамент, на котором когда-то, как голова

профессора Доуэля, горделиво восседала голова вождя мирового пролетариата.

Но жизни не было.

Хотя обилие пустых бутылок, банок, упаковок, которые, как оказалось, были не менее долговечны, нежели греческие колонны, говорило о том, что жизнь здесь все-таки присутствовала. Во всяком случае, проходил год за годом, а не брали эти отходы ночной человеческой жизнедеятельности ни время, ни зимние холода, ни летний зной, и располагались они уже какими-то геологическими пластами, по которым можно было судить, в каком году каким напиткам, каким закускам отдавалось предпочтение на коктейльском побережье. В годы, относящиеся к эпохе демократических перемен, отдавалось предпочтение пиву, потом отдыхающие постепенно, робко и неуверенно, приблизились к сухим винам. И, наконец, в последние годы в помойных ямах, щедро разбросанных по парку, все чаще стали попадаться бутылки из-под коньяка. В более глубоких слоях встречались в основном мерзавчики, потом, ближе к поверхности, пошли чекушки, поллитровки...

Жизнь постепенно возвращалась в эти священные места, но как-то своеобразно, бутылочно. Ни черновики писательских, ни сломанных авторучек или карандашей, ни спрессованных временем рукописей с авторской правкой...

Не попадалось.

А какие стихи звучали здесь при восходе луны или на рассвете, какие рождались формы и рифмы! Какие трепетные юные дарования обретали здесь признание, уверенность, а то и любовь! И не только в стихах, ребята, не только в стихах, но и в жизни тоже, потому что вокруг кипела, бурлила, клокотала жизнь. А какие крылья вырастали у них за спиной, и как, взмахнув этими белыми крылами, устремлялись они в предрассветное

небо, и там, в вышине, в первых лучах солнца, эти крылья становились розовыми, и розовой казалась жизнь, которая ожидала их на земле. А чтобы окунуться в эту счастливую жизнь, юным дарованиям достаточно было просто сложить нежные, как пеликаний пух, крылья за спиной и скользнуть по воздушным струям на эти вот аллеи, в эти вот восторги, искренние и вдохновенные, в эти свои же счастливые рифмы и формы.

И никто этому не удивлялся, потому что вокруг был Коктебель.

Тот еще Коктебель, ушедший ныне в геологические пласты. Как сказал поэт Жора Мельник: «Прощай, мой Коктебель конца семидесятых, с недорогим сухим разбавленным вином...» Он же произнес и не менее печальные слова и не менее прекрасные: «Прощай, мой Коктебель, ты мне не по карману...»

Но я еще вернусь и к поэту, и к его произведениям.

Света подошла к балконной двери и, чуть раздвинув шторку, увидела внизу Андрея. Он, не оглядываясь, дошел до угла дома и повернул налево. В полной уверенности, что Света наблюдает за ним с балкона. В прежние годы он всегда оглядывался, всегда махал ей рукой влюбленно и радостно. В те годы они только так и расставались — влюбленно и радостно, в полной уверенности, что увидятся снова через полчаса. Только полчаса требовалось Андрею, чтобы выбрать на соседнем рынке креветок, самых крупных и красных, чтобы выбрать красное вино каберне и самый большой арбуз, глухо и многообещающе потрескивающий в своих алых глубинах...

Какие были времена!

«Но мне их не вернуть ни памятью, ни сном» — как выразился однажды все тот же Жора Мельник. Он знает, о чем говорит: в этом году ему шестьдесят, шестого мая.

Не забыть бы в суете, глупой и бестолковой.

Убедившись, что Андрей ушел, Света вернулась на кухню и, сдвинув от сосредоточенности брови, аккуратно, до последней капли, слила недопитый коньяк из чашек и из бутылки в одну рюмку, огорченно хмыкнула — маловато набралось — и выпила.

— Вот так, дорогая, — произнесла она вслух. — Вот так ты теперь живешь. А Андрей не догадался сотенку гривен подбросить... Какая бы жизнь сейчас у меня началась! Извини, Андрюшенька, понимаю, что не из жадности... В жадности тебя никогда нельзя было упрекнуть... Вернись! — вдруг закричала она. — Вернись! Заклинаю — вернись! — И обессиленно прислонилась спиной к стене.

В этот момент раздался звонок мобильного. Звонил Андрей.

— Извини, Света... Я не спросил... У тебя как с деньгами?

— Прекрасно! Как всегда! Лучше не бывает!

— Понял, — сказал Андрей и отключил связь.

В дверь он позвонил через пять минут. Света тут же открыла — она заранее подошла к двери.

— Почему ты не спрашиваешь, кто пришел?

— Чую.

— Ладно... Извини, я не успел поменять, у меня только рубли... — Он протянул пятитысячную купюру. — Там, на скамейке возле базара, мужик сидит под зонтиком, Витя его зовут, меняет...

— Знаю. — Света взяла деньги и положила на стол.

— У него всегда был лучший курс.

— Знаю.

— Сдачи не надо, — улыбнулся Андрей.

Света сделала шаг вперед и неожиданно для самой себя вдруг обняла его и на какое-то время замерла.

— Подыхаю, Андрюшенька, — прошептала она сквозь слезы. — Просто подыхаю...

— Вижу.

— А деньги твои я пропью. Заранее говорю — пропью.

— Значит, такая у них судьба.

— У меня еще не было в руках пятитысячной бумажки. Это больше тысячи гривен.

— И через это надо пройти.

— Ты... Не пропадай, ладно?

— Мобильник в кармане, а от Веры сюда идти не больше пяти минут.

— Десять, — поправила Света.

— На такси доберусь за пять. Там Саша всегда на изготовке.

— Деньгами-то не очень разбрасывайся... Они мне еще понадобятся.

— Буду экономить.

— И Вере не слишком отваливай... Перебьется.

— Как договорились.

— Вот отмокну немного, протрезвею, может, ко мне переберешься...

— Думаешь, мне это дешевле обойдется? — рассмеялся Андрей.

— Ладно... Катись. Не пропадай.

И опять Света не вышла на балкон. Сейчас она уже не имела на это права — получится так, что будто за деньги благодарит, а это уже было недопустимо в их отношениях. Но сквозь штору посмотрела во двор. Андрей опять не оглянулся, понимал — не надо, получилось бы, что ждал благодарности. Захотела бы, окликнула. Но почему-то знал, что Света смотрит на него сквозь штору. И перед самым поворотом на улицу, не оглядываясь, поднял руку и потряс в воздухе кулаком, дескать, все понимаю, держись, я с тобой.

— Вот так, девочка, — пробормотала Света, падая на диван, втиснутый между холодильником и простенком. — Все получилось, как ты и хотела... Жизнь протекает, как прежде... Протекает? Или все-таки вытекает, будто из дырявого ведра... На самом доньшке что-то еще плещется... — Она повертела перед глазами купюрой, оставленной Андреем, и, положив ее на стол, поставила сверху пустую бутылку из-под коньяка, чтобы не унесло сквозняком.

Опять задрезжал мобильник.

Света взяла трубку, взвесила ее на ладони, словно уже догадывалась, кто звонит.

— Да. Слушаю.

— Привет. Это я.

— Узнала.

— Как поживаешь?

— Плохо.

— Может, увидимся?

— Зачем?

— Разговор есть.

— О чем?

— О тебе, обо мне.

— О Лене ты уже не хочешь говорить? Разобрался? Я на очереди?

— Давай, Света, увидимся... Надо. Я на скамейке возле почты. Все немного не так, Света... Все немного не так.

— Ты хочешь сказать, что Лена жива?

— Подходи, Света. Я на скамейке. Возле почты. Буду ждать.

На скамейке Света увидела тощеватого парня, одетого настолько неприметно, что, отвернись она от него на секунду, и уже не смогла бы сказать, во что он одет. Какие-то джинсы, не то польские, не то турецкие, какая-то рубашка, чуть светлее штанов, заношенные

босоножки, похоже, действительно на босу ногу. Весь он выглядел каким-то запыленным — волосы, одежда, да и ногти не мешало бы привести в порядок. Увидев Свету, он бросил в стоявшую рядом урну недокуренную сигарету, попытался было встать, но остался сидеть. Похоже, просто для того, чтобы быть незаметнее. Человек, вставший со скамейки, потом снова севший, уже обращает на себя внимание.

Света присела на некотором расстоянии. Парень сидел, поставив локти на колени и глядя прямо перед собой.

— Хорошо выглядишь, — проговорил он, помолчав.

— А чего мне выглядеть плохо? Ты ведь еще не поработал надо мною.

— Хочешь, я скажу тебе одну вещь...

— Скажи. Интересно даже.

— Я ничего не помню. Представляешь... Я совершенно ничего не помню. Из того, что произошло.

— А как меня зовут, помнишь?

— Ладно, Света, ладно... Я говорю то, что есть.

— Может, это и не ты был?

— Может...

— Вон ты куда гнешь...

— Я никуда не гну. Я делюсь с тобой тем, что есть.

— А как кровь с себя смывал, помнишь?

— Нет.

— Так ведь и одежда на тебе должна быть в крови. Не голым же ты домой добирался.

— Я сжег всю одежду.

— Почему? В крови была?

— Да. В крови. Я тоже весь порезался... А как все произошло, не помню. Ничего не помню. Провал.

— А раньше резал детей?

— Не помню.

— Напомнят.

— В каком смысле?

— Такие случаи в картотеки собирают. Им достаточно взять тебя и про все другие случаи напомнят. Память твою освежат. Подозреваю, ты и в других местах наследил. Фотки покажут, экспертизы, отпечатки... Это милиция не нашла твоих следов. А я-то их сразу увидела, сразу поняла, какой гость навестил Лену...

— И какие же я следы оставил? — Парень наконец распрямился и в упор посмотрел на Свету.

— Оставил, дорогуша. Следы всегда остаются.

— Света, сделанного не вернешь, но я не вру... Говорю же — провал в памяти.

— И что из этого следует? Провал у тебя случился в одном месте, писька наслаждения потребовала, крови захотелось детской... И что из всего этого следует?

Парень долго молчал, хотел было закурить, но спрятал сигареты и, поставив локти на колени, опять уставился в просвет между киосками.

— Ну не такая я уж сволочь! Может, больной? — В его голосе прозвучало нечто вроде надежды.

— А какая разница? Больной ты или здоровенький? В любом случае тебя уничтожить надо. А может, за тобой давно след тянется из трупиков, ножом исполосованных? Может, тебя по всей стране ищут? А ты тут на солнышке маешься — а может, я больной, а может, я не сволочь... А одежду окровавленную сжег. Значит, все понимаешь. Значит, и провалы у тебя как раз там случаются, где опасность светит.

Света поднялась со скамейки, уже собираясь уйти, но парень успел схватить ее за руку.

— Подожди. Я еще кое-что хочу сказать... Сядь.

Света села.

— Ты должна знать... Нам с тобой не разъехаться... Я всегда буду с тобой, хочешь ты того или нет. Я от тебя не отстану.

— И будешь время от времени приходить ко мне с окровавленным членом? Отмываться будешь приходить? Трусишки твои я должна буду застирывать? Да? Кровь засохшую я буду из-под твоих ногтей выскребать, да?! Хочешь, скажу... Я тебя собственными руками удавлю.

— Ладно... Разберемся... Это хахаль твой старый приехал? В поселке поговаривают, дочери твоей отец?

— Ну? Ты что-то сказать хотел?

— Передай ему — пусть не возникает. Не надо ему возникать. И сама тоже...

— Что тоже? Заткнуться?

— Вроде того. Я сказал то, что хотел. Правду сказал. Повинился, как мог. Но голову в петлю совать не буду. И постоять за себя еще могу. Если меня до сих пор не взяли, то уже и не возьмут. Нет у них доказательств. И следов не осталось. Я это сделал или кто другой... Проехали. Поняла? Проехали.

— Поняла.

— Тут слухи дошли, что божью кару накликать на меня хочешь? Вот это — пожалуйста. Сколько угодно. Молись по ночам. В церковь можешь сходить разок-другой. Исповедоваться в грехах захочешь, тоже не возражаю. Но со словами осторожней. Пасть свою не раскрывай.

— Неужели порвешь?

— Порву. И ты знаешь, что смогу. И ничто меня не остановит. И это ты знаешь.

— Ты, похоже, выздоравливаешь? Память возвращается? Опять на кровушку потянуло?

— Я все сказал. Живите, плодитесь, размножайтесь. Солнце, воздух и вода к вашим услугам. Но ведите себя прилично. Берегите себя. Вы еще молодые, и ты, и твой хахаль. У вас еще дети могут быть. Хорошенькие.

— А вот это ты напрасно сказал, дерьмо собачье. Тут ты маленько перегнул палку.

— Жизнь покажет, — улыбнулся парень.

— Смерть покажет, — поправила его Света.

Андрей уныло брел вдоль ржавых заборов, исполовавших парк, как шрамы, нанесенные рукой сильной и безжалостной, брел, словно желая убедиться, что причудливые эти заборы — не лабиринт, сооруженный для потехи разомлевших пляжников, а действительно железная поступь нового времени. Брел, пока не вышел все к тому же раскаленному на солнце бассейну, в котором никто никогда не видел воды — только бутылки, только пакеты, только срамные отходы ночной человеческой жизни.

Впрочем, вода здесь все-таки когда-то была, поскольку камень, торчащий заскорузлым пальцем в небо, был покрыт ржавчиной, какая бывает от неочищенной водопроводной воды — то ли пытались когда-то отмыть камень от плесени, то ли из каких-то щелей били в далеком прошлом жиденькие фонтанные струйки, которые ни с чем пристойным сравнить просто невозможно...

Посидев в тени на скамейке и полюбовавшись на угластую глыбу гранита, с которой у него, как и у многих в Коктебеле, было связано немало счастливых воспоминаний, Андрей двинулся дальше, к узкой калитке, через которую можно было выйти на набережную. Здесь уже шла торговля — раковины, подсвечники, ножи, украшения из камня... Но продавцы, разморенные на полуденном солнце, и к своему товару, и к покупателям были совершенно безразличны.

Литературно-музыкальный салон «Богдан» Славы Ложко располагался, наверно, в лучшем месте Коктебеля — на набережной, на центральной торговой площади, на которую выходила и бывшая писательская сто-

ловая. Помещение салона было просторное, но мрачно-ватое. Впрочем, именно мрачноватость многих как раз и привлекала — здесь можно было укрыться от зноя и полюбоваться видом на Карадаг. Вряд ли еще какое заведение могло похвастаться таким видом. А если вам достанется столик у перил, вообще можете считать себя самым везучим человеком на набережной.

Именно за таким столиком и застал Андрей хозяина заведения.

— Привет, Слава!

— Наконец и до меня добрался... А то мне с утра доклады идут — с кем пьешь, что пьешь, в каком количестве... Рюмку коньяка осилишь?

— Если с тобой, осилю.

— Ну, ладно, так и быть... Нарушу режим. Когда приехал?

— Утром. Какие новости?

— А у нас одна новость. И ты наверняка уже о ней знаешь. Света рассказала, Вера дополнила... Надолго приехал?

— Как получится.

— Ты не имеешь права уезжать, пока не пришибешь маньяка. Понял? Спрашиваю — понял?

— А если он меня?

— Это я беру на себя. Будешь под моей крышей. Понадобится помощь... любая... — Слава помолчал. — Я с тобой. Усек?

Слава произнес не пустые слова. Он был своим человеком и в криминальных кругах, и в уголовном розыске, и в местных властях — все эти ребята предпочитали проводить свои посиделки именно в «Богдане». Случалось, что они отмечали свои победы одновременно: и тогда только Слава Ложко мог разобрать, кто из какой компании. Громадный, седой, с лицом, словно высеченным из розового сердолика, он действительно везде был не

просто свой человек, а как бы даже в авторитете. С ним советовались, ставили в известность и полушутя даже отчитывались и воровские авторитеты, и следователи, и чиновники поссовета, зная, что дальше Славы никакие сведения не пойдут. Ни в какую сторону.

— Спрашиваю — усек? — повторил вопрос Слава.

— Ты о другом спрашиваешь... Ты хочешь знать, не дрогну ли я? Так вот — не дрогну. Сезон заканчивается в октябре... Время есть.

Слава протянул громадную свою ладонь размером в две нормальных и молча пожал Андрею руку.

— На Свету не надейся — она рехнулась.

— Я знаю. А Вера как?

— Это наш человек.

— Значит, нас уже трое?

— Ни фига! Я всю свою банду брошу в это дело. И феодосийский угрозыск. И из криминала ребята не откажутся помочь. Они таких шуток не любят. Им только скажи кто... И завтра утром его по кускам собирать будут. А для начала по горным дорогам прокатят.

— Это как?

— Хорошая веревка, петля вокруг пояса, второй конец за бампер. И небольшая прогулка вокруг Карадага. Когда останавливаются, петля чаще всего уже пустая. Правда, немного запачканная. Но кровью мы все немного запачканные. Или освященные. Уже жертвенной кровью.

— Какой кошмар! — восхитился Андрей.

Слава поднял руку, привлекая внимание пробегающей мимо официантки.

— Жанна, значит, так... Наш юный друг, — он кивнул в сторону Андрея, — в северном стойбище, Москва называется, провел зиму без коктебельского коньяка, представляешь?! Мы можем ему помочь?

— Поможем, Вячеслав Федорович! Надо спасти человека.

— А закусить — сама придумай что-нибудь. Теперь послушай, — Слава придвинулся поближе к Андрею, когда Жанна отошла. — Зацепки есть. Этот любитель маленьких девочек следы свои все-таки оставил. Я разговаривал с ребятами из уголовного розыска — у Светки вся квартира в отпечатках. Среди них отпечатки и убийцы. Какие именно принадлежат ему — сейчас ребята устанавливают.

— Как? — не понял Андрей.

— Ищут хозяев всех отпечатков. Некоторые сами откликнулись и пришли, предъявили свои пальчики. На Светку надежд никаких. Но ты должен провести с ней работу — вдруг расколется. У нее в голове завелись тараканы, их надо выводить. Ведь она знает, кто это сделал. Или догадывается. Ты, как отец...

— Как я понял, с этим вопрос уже решен?

— Послушай меня. — Слава замолчал, ожидая, пока Жанна расставит на столе графинчик, рюмки, тарелочки с сыром. — Я знаю Светку давно и подробно. И у меня по ее поводу нет никаких иллюзий и заблуждений. Ты уже убедился — я знаю все, что происходит в Коктебеле в данный момент. Я знаю всех, кто у нее ночевал, а кто только собирается.

— Кроме одного, — заметил Андрей.

— Это кого?

— Кроме убийцы.

— Я не уверен, что он у нее ночевал. То, что он сотворил, с ночевкой не совмещается. Но бывают отклонения. Во всяком случае, когда ты сегодня позвонил в ее дверь, я об этом знал в ту же минуту. И сколько кагора выпил у Веры, тоже знаю. И кто ей этот кагор доставляет. И почему.

— Тогда мы победим, — усмехнулся Андрей.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — без улыбки ответил Слава. Он наполнил рюмки коньяком, помолчал, пристально глядя на Андрея, словно сомневаясь — справится ли тот со всем, что на него свалилось. — За победу.

— На всех фронтах, — добавил Андрей.

— А вот этого не надо, — жестко сказал Слава. — У нас один фронт. Одна задача. И все силы мы должны сосредоточить в одном направлении. Понял? Никаких фронтов. И пить ты будешь только у меня. И нигде больше. И не больше того, что я тебе налью. Прежняя твоя вольница закончилась. А то пиво на скамеечке он пьет, то коньяк со Светкой хлещет, кагором с Верой балуется, моим гостеприимством пользуется... Завязали, Андрюша. За это и выпьем.

— Один вопрос... А как ты узнал про коньяк со Светой?

— Ты его купил в киоске возле почты, когда к ней направлялся. Своего у нее нет, она за ночь все выхлестывает. Могу сказать, какая емкость бутылки, сколько звездочек на этикетке и сколько ты за него заплатил и какими шутками обменялся с продавцом Надей. Три звездочки, граненая бутылка, емкость пол-литра. Раньше ты на Светке так не экономил.

И Андрею ничего не оставалось, как в очередной раз восхититься службой оповещения Вячеслава Федоровича.

— Неужели у тебя еще хватает сил стихи писать?

— Придешь ко мне — подарю новую книгу! «Люди и птицы» — так она называется, — в глазах Славы на мгновение вспыхнули сатанинские искорки.

Над Коктебелем полыхал июльский полдень. Карадаг дрожал в раскаленном воздухе, синева неба была выжжена, и над морем простиралось серое простран-

ство зноя. Изнемогающие пляжники сгрудились под тентами, и только дети как ни в чем не бывало визжали в обессиленной от жары прибрежной волне. Другие звуки просто не протискивались сквозь вибрирующие, поднимающиеся от гальки струи обжигающего воздуха.

Андрей постоял на набережной, наблюдая за муками разбросанных по пляжу человеческих тел, и, поколебавшись, все-таки спустился к морю. Найдя свободный пятачок, он быстро разделся и, не медля ни секунды, вошел в воду. Саша не обманул, температура воды действительно была больше двадцати трех градусов. Андрей знал особенности коктебельского залива — и в такую жару вода могла охладиться до семнадцати, а то и до пятнадцати градусов. Время от времени течение поднимало из морских глубин холодную воду, и она просто не успевала нагреться за день-второй.

Это был обычный ритуал — в первый же день просто необходимо было окунуться в море, приехал ли ты в июле, октябре, а то и в декабре. Да, случалось Андрею входить и в декабрьские волны, правда, море, словно в гневе за бесцеремонность, тут же с силой выбрасывало его на берег под хохот случайных прохожих. Был в этом не только сложившийся обычай или примета, но и здравый смысл — нужно было смыть с себя дорожную пыль, смыть накопившиеся тягостные впечатления, пустую суету, изнуряющие заботы, от которых люди и спасались на благословенных коктебельских берегах.

А Андрею было что смывать с себя, невеселые новости навалились на него в первые же часы пребывания здесь. Да что там часы — в первые минуты водитель вывалил на него такой ворох событий, от которых он, кажется, до сих пор не разогнулся.

В такую жару обгореть можно было за полчаса, и Андрей не стал испытывать судьбу. Чуть обсохнув, он оделся и по бетонным ступенькам поднялся на набе-

режную. Странно, но здесь жара уже не казалась столь сильной, даже ветерок какой-то можно было почувствовать, да и тень иногда попадалась.

Зазвонил мобильник.

— Обживаешься? — спросила Света без приветствия.

— Помаленьку... А ты как?

— Славу видел?

— Недавно расстались.

— Меня материл?

— Нет, но удержался он, кажется, с трудом. Послушай... А этот маньяк знает... Как бы это тебе помягче выразиться...

— Да уж выразишься как-нибудь... Авось пойму.

— Он знает, что ты решила... Что ты ожидаешь для него божьей кары?

— Да.

— Ты сама ему об этом сказала?

— Через добрых людей передала.

— И много этих добрых людей? — Андрей почувствовал раздражение. Это с ним случалось, когда он видел, что человек разговаривает с ним, как бы снисходя к его ограниченности и непонятливости.

— Успокойся, Андрюша... — Света сразу поняла его настроение. — Кушать хочется. Может, перекусим где-нибудь?

— Ближайшая к тебе забегаловка — «Ветерок». Годится?

— Буду там через полчаса, — ответила Света.

Андрей добрался до «Ветерка» за десять минут — ему достаточно было пересечь парк Дома творчества. Это был обычный павильон, заросший какими-то вьющимися растениями, но не виноградом, нет, гроздьев на стенах Андрей не видел ни осенью, ни зимой. Войти в павильон можно было прямо с улицы, поэтому посетителей там хватало всегда.

Едва Андрей сел за столик в дальнем тенистом углу, к нему подсел Леша, хозяин заведения, плотный, немногословный, добродушный крепыш, слегка лысоватый, что, впрочем, нисколько его не портит.

— Привет, — протянул он плотную, сильную ладонь. — Когда приехал?

— Утром. Жара тут у вас.

— Июль, — ответил Леша. — В июле ты редко бываешь... Пивка?

— Холодного?

Вместо ответа Леша поднял руку с двумя растопыренными пальцами, и не прошло минуты, как перед ними на столе стояли две запотевшие кружки пива и блюдечко с фисташками.

— Ждешь кого?

— Свету.

— Она частенько у нас бывает. Предпочитает мясо.

— Хищник потому что, — ответил Андрей.

— Даже не знаю, что тебе сказать и о чем спросить, — проговорил Леша, отпив полкружки пива. — Ты же, наверно, все уже знаешь?

— Почти. Кто убил, не знаю. Вроде ее приятель.

— Я могу говорить? Не обидишься?

— Валяй, Леша.

— У нее этих приятелей... Видимо-невидимо.

— Значит, двое-трое наберутся? — усмехнулся Андрей.

— Примерно так... Но из тех, кого я видел... На такое никто не пойдет. Наши ребята, местные... Они и сейчас все на виду.

— Я его найду, — сказал Андрей и, положив на стол два кулака, в упор, исподлобья, посмотрел на Лешу. — Я его найду. Сука буду, найду. — Несмотря на суровость слов, которые произнес Андрей несколько раз, голос его дрогнул, и, не выдержав, он отвернулся, а потом

вовсе поднялся и вышел на улицу. Все эти несколько часов, которые он провел в Коктебеле, до него словно бы не доходил смысл случившегося, все как-то тонуло в подробностях, встречах, тостах, и только вот теперь, слушая неторопливый голос Леша, который ничего не рассказывал и ни о чем не спрашивал, Андрей почувствовал, что выдержка ему изменяет.

Через несколько минут Леша вышел вслед за ним, подошел сзади, легонько похлопал по плечу.

— Пошли, Андрюша... Пиво нагревается, это нехорошо... Надо бы нам его прикончить... Пошли.

И Андрей, благодарный Леше за такое вот участие, послушно вернулся на свое место. Взяв салфетку, он промокнул глаза, виновато посмотрел на Лешу.

— А я тебе вот что скажу, — Леша положил плотную свою ладонь Андрею на руку. — Слабые не плачут. Плачут сильные. Слабые кричат, клянутся, топают ногами... А слезы... Слезы не могут быть в укор. Ни женщине, ни мужчине. Согласен?

Андрей молча кивнул.

— Пока Света не пришла, я вот еще что тебе скажу... Странно она себя ведет. Непонятно. Заглядывает перекусить, я иногда подсаживаюсь к ней, что-то говорю, она отвечает... И сдается мне, после наших с ней бесед, сдается мне, что догадывается она, кто это совершил. Ты, конечно, меня прости, но вот такие глупые мысли посещают меня...

— Меня тоже, — сказал Андрей.

— Неужели после всего, что он натворил с ее дочкой, не хочет она его сдать?

— Там другое.

— Ладно, не моего ума дело. И еще одно... «Ветерок» — хорошее местечко, на перекрестке всех дорог... Даже если кто и не хочет заглянуть, мимо не пройдет. Тот поздороваться, тот перекусить, у нас же вход без

дверей — кто-то знакомых внутри увидит, зайдет, подсядет к столу, его угостят, он угостит... Все они у меня на виду. Я вот к чему... Если будет какая зацепка — скажи. Заметано? А вот и Света.

Света вошла быстро, порывисто, сразу увидела Андрея с Лешей, подошла, села, проскрежетав ножками стула по асфальту, взглянула на каждого, на пустые кружки.

— Пивуете?

— Балуемся, — ответил Леша.

— Мне косточки перемываете?

— А как догадалась?

— На улице жара, а у меня озноб по телу. Я, конечно, сразу поняла, в чем дело. Пивком угостите?

— И отбивнушка не помешает?

— Только во благо! — рассмеялась Света.

Леша снова поднял руку, уже с тремя растопыренными пальцами, указал взглядом на Свету. Официантка, молоденькая девчушка, видимо, подрабатывала на школьных каникулах, сразу все поняла. Пиво принесла сразу, отбивную — минут через пять.

— Шустрая девочка, — отметил Андрей.

— Моя школа, племянница.

— Как вам погода? — нарушила Света молчание. — Простое лето было не такое жаркое, — продолжала она, прихлебывая пиво. — А это прямо-таки... нестерпимое. Люблю жару. И дождь люблю. И туман. Какой здесь бывает туман в декабре, да, Андрей? И ни единой души на набережной, ни единой души во всем Коктебеле... Твоя, Леша, забегаловка закрыта, листья осыпались, она зимой совершенно прозрачная... Только проволочный каркас, ветер и мы с Андреем. Андрей, помнишь, как мы тут в декабре гудели? Красное каберне и отбивная из «Камелота»... Зимой только «Камелот» работает...

— Давно это было, — пробормотал Андрей, не зная, что ответить на эти воспоминания.

— Давно, — согласилась Света. — Лены еще не было. Лена появилась через девять месяцев. Потом тебя не было несколько лет, потом я Лене набавила пару годков, чтобы ты чувствовал себя здесь спокойно и... Как бы это выразиться поточнее... Неуживее. Ты до сих пор чувствуешь себя неуживимо?

— Уже нет.

— Я, пожалуй, пойду, — поднялся Леша. — Работа, конечно, не волк, но внимания требует. Вообще жизнь требует к себе серьезного отношения, да, Андрей? Согласен?

Леша прощально потряс в воздухе кулаком, дескать, держитесь, ребята, и скрылся в подсобном помещении. Оттуда тут же послышался его напористый и гневный голос — видимо, уловил какую-то недоработку в своем хозяйстве.

Андрей хорошо помнил тот давний туманный декабрь в Коктебеле. Его днепропетровский друг предложил ему поселиться у него в гостинице, занять любой приглянувшийся номер, поскольку они все равно пустовали, и жить там хоть до весны. В этой гостинице они со Светой и обосновались — ее квартира не отапливалась, продувалась всеми ветрами гор, морей и степей, к тому же и вода случалась далеко не всегда, а горячее не было вообще. И тогда действительно можно было посмотреть в один конец набережной, в другой конец набережной и не увидеть ни единого человечка. Или иначе: от могилы Волошина на холме до профиля Волошина на Карадаге — никого. Было у них в ходу тогда еще одно обозначение декабрьского безлюдья — ни одного голого мужика, ни одной голой бабы от восточного нудистского лежбища до западного нудистского лежбища...

Они тогда часто прогуливались вдоль беснующегося моря, и Андрей простыл. Кашель, температура, озноб, и он, не выдержав, чтобы не истязать своей болезнью Свету, решил уехать. Она должна была его провожать к поезду в Симферополь, но в последний момент куда-то запропала. На ожидание времени не оставалось. И Андрей, бросив сумку в машину, сел рядом с водителем, все с тем же Сашей, — поехали. Но что-то его дернуло, он попросил остановить машину напротив центрального входа в парк. Вот когда безлюдье выручило — в самом конце аллеи, в туманной дымке, он рассмотрел маленькую фигурку Светы. В развевающемся пальтишке, потеряв по дороге косынку, она бежала к главной улице, стараясь успеть до его отъезда. Ей в голову пришла сумасбродная мысль — подарить ему на дорогу громадную коробку с каберне. Трехлитровый пакет она нашла в том же «Камелоте» — в ту зиму вино продавали в таких пакетах.

Наверно, это была их самая счастливая поездка — по пустынной зимней дороге, в Симферополь, к московскому поезду. Они явно опаздывали, Саша гнал машину на предельной скорости, а они, расположившись на заднем сиденье, пили из громадного пакета красное каберне и закусывали захваченными в дорогу холодными котлетами все из того же «Камелота». И, не сговариваясь, словно по заранее задуманной уловке, тянули время, останавливались у каких-то магазинчиков, делали вид, что им необходимо купить нечто важное, совершенно необходимое в дороге, а, войдя в магазинчик, сквозь стекло весело смотрели на нервно прохаживающегося у машины водителя.

— Опаздываем, ребята, — стонал Саша. — Опаздываем!

— Успеем, — благодушно отвечали они в легком уже хмелю от красного сухого вина каберне, которое

в тот декабрь продавали в Коктебеле в красивых упругих пакетах с маленькими краниками возле самого дна. И когда один из них держал пакет на весу, второй, прикинув к кранику, всасывал в себя тоненькую струйку красного сухого вина каберне.

И когда машина вылетела на вокзальную площадь города Симферополя, когда они увидели, что состав стоит на первой платформе и уже с вещами бросились к вагонам, Света вдруг вспомнила, что забыла в машине кошелек.

— Да на кой черт тебе этот кошелек, если мы сейчас с тобой едем в обратную сторону! — заорал Саша.

— Там же билет на поезд! — соврала она с такой искренней убежденностью, что Саша просто вынужден был вернуться, открыть машину, и Света нашла там наконец свой кошелек. А когда они догнали Андрея, тот вдруг хлопнул себя по лбу...

— Боже! Я же забыл тормозок!

И он вернулся, и Саша снова открывал машину, они впопыхах искали кулек с камелотовскими котлетами и, конечно же, не нашли.

— Вы же все съели по дороге, — чуть слышно простонал Саша.

— Действительно, — фальшивым голосом согласился Андрей и побрел, подневолью побрел к платформе. А поезд в это время, а поезд в это время, а поезд в это время — о, счастье! — медленно-медленно тронулся в сторону Москвы. И проводники захлопывали двери, провожающие суматошно махали руками, а отъезжающие, раздавив о немытые стекла зареванные свои морды, пытались что-то там важное втолковать им напоследок.

— Беги! Успеешь впрыгнуть! — закричал Саша и, схватив сумку, бросился к раскрытой еще двери проплывающего мимо вагона. Но Андрей оказался на пути, и Саша, наткнувшись на него, наконец-то все понял.

— Ну, вы, ребята, даете, — пробормотал он, обессиленно сев на сумку Андрея.

А ребята его не слышали.

А ребята, изо всех сил обхватив друг друга, тыкались друг в друга мокрыми счастливыми лицами.

Надо же, в этой бестолковой, глупой, влюбленной поездке Андрей и выздоровел. Как ничего и не было. Может, вино помогло, а может, все остальное.

И декабрь продолжался.

— Как протекает вживание в Коктебель? — спросила Света, прихлебывая пиво, которым их угостил хозяин этого прекрасного заведения.

— Успешно.

— Всех повидал? Всем показался? Со всеми выпил?

— Жора остался.

— Он звонил. Обещал сюда подойти.

Мимо проносились невидимые за листвою машины, за перегородкой грохотал голос Леши, звякала посудой племянница хозяина, а Андрей и Света сидели в темном углу павильона и наблюдали за протекающей мимо жизнью.

— О чем задумался, Андрюша? — спросила Света.

В разговоре с Андреем у нее установился снисходительный тон, словно переживания, выпавшие на нее этой весной, этим летом, давали ей какое-то преимущество. А Андрей, ничего не переживший, ничего не испытывавший, уже этим как бы провинился и потому не мог рассчитывать на равенство.

— А знаешь, о декабре... О том самом, первом нашем декабре.

— Ничего был декабрь... Туманный, правда, ветренный, как мне помнится.

— Тебе больше ничего не помнится?

— А, кроме погоды, было еще что-то? — Света удивленно вскинула брови — о чем это он?

— Да ладно дурака валять... Мне кажется, что в тот декабрь я мог бы поступить и получше.

— Нет, Андрюшенька, — Света с силой раздавила в блюдце окурки. Она продолжала называть его Андрюшенькой, уже этим как бы показывая свое превосходство. — В тот декабрь ты вел себя настолько хорошо, что лучше вести просто невозможно.

— Даже так?

— Лучше ты мог бы вести себя позже. В феврале, марте, апреле, мае... Но и за эти месяцы упрекнуть тебя не в чем. Нормальный мужик... Ты ничего не обещал, я ни о чем не просила... Ты не совершил ничего плохого, недостойного... Просто сделал шаг в сторону. Вот и все. Перешел на параллельные рельсы. До этого мы с тобой шли как бы по одним рельсам, а после декабря пошли по разным... Которые с каждым днем все более друг от дружки удалялись. Ты уехал в многолюдную свою Москву, я осталась в безлюдном, туманном, холодном Коктебеле. После твоего отъезда перебралась из гостиницы в свою квартиру на пятом этаже... Боже, какая же она была холодная. Не только в температурном смысле слова...

— А в каком еще?

— Даже не знаю, как тебе объяснить, чтобы было понятно...

— Да напрягись уж как-нибудь, — с легким раздражением ответил Андрей.

— Не злись, Андрюшенька... Если ты все эти годы не злился, то теперь-то совсем ни к чему... Да и я уже за пределами добра и зла, я теперь неприкосновенная и потому могу быть вредной, капризной, стервозной... А в каком смысле было холодно... ты и сам знаешь, но если уж захотелось услышать это от меня, скажу... В душев-

ном смысле, в духовном, в нравственном... Понимаешь? Слов много, но это все приблизительные слова, не окончательные...

— А Лене, говоришь, было восемь лет?

— Девятый ей шел... В августе будет девять.

— Значит, все-таки декабрь.

— Ну, а что же ты хочешь, Андрюшенька... Для нас с тобой это был крутой декабрь... Мы тогда потеряли всякую осторожность. Особенно ты.

— Почему особенно я?

— Потому — ты обязан был думать об осторожности. Я, конечно, могла кое-что предпринять потом... Спустия какое-то время... Но ты позванивал иногда, слова всякие рискованные произносил, неосторожные слова, этот злопучный декабрь поминал добрым словом... И я размечталась. И получила свое.

— Значит, говоришь, сделал шаг в сторону...

Света его не услышала.

— Но я не жалею. Тогда не жалела и сейчас тоже.

— Напрасно ты мне не сказала с самого начала, напрасно.

— Надо было брать тебя за горло?

— Могла бы взять и за другое место... Кстати, а чего это ты все время называешь меня Андрюшенькой?

— А как же тебя еще называть? Очень подходящее для тебя имя. Ласковое, можно сказать. Стоит только произнести его, и сразу становится ясно, о ком идет речь. И все остальное становится понятным — о чем можно говорить с этим человеком, о чем говорить с ним нет никакого смысла, произнесешь это имя, и виден допустимый уровень откровенности, серьезности, доверительности...

Андрей долго молчал, глядя в зеленый просвет на проносящиеся мимо машины и не видя их. Заходили посетители, заказывали пиво, вяленую рыбу, фисташки,

сушеных кальмаров. За зеленой стеной стояла все та же полуденная жара, но здесь, в тени, о ней как-то не думалось.

— Скажи мне, Света... Кто этот человек? — проговорил наконец Андрей.

— И что ты с ним сделаешь?

— Я его убью.

— И все? — разочарованно протянула Света. — Ты его убьешь, и все?!

— А что ты хочешь?

— Я хочу божьей кары.

— Это как?

— Я хочу, чтобы он умирал годами. И чтобы все эти годы он знал, что умирает. И это будет. Это точно будет. Я знаю! — уже шепотом произнесла Света. Взглянув ей в глаза, Андрей готов был отшатнуться — столько в них было решимости.

— И кто это сделает?

— Ты. Ты, Андрей.

— Думаешь, смогу?

— Помнишь тот декабрь? У меня ничего не было в жизни стоящего, кроме того декабря. Понял?! У меня ничего не было в жизни, кроме того декабря! Хочешь откровенно? У тебя ведь тоже ничего лучше не было. Иначе ты не приезжал бы сюда каждый год в надежде, что декабрь повторится. Ничего не повторяется дважды. Ничего, понял?! — Света говорила все громче, но, заметив, что на них обращают внимание, перешла на шепот. — Я не верю, Андрюшенька, что ты ничего не знал про Лену. Не верю. Весь Коктебель знал, а ты не знал?! И никто тебе за все эти годы ничего не сказал, не объяснил, не намекнул? Не верю. Да, я тебе не говорила, я не возникала. И ты продолжал пребывать в счастливом неведении. Другими словами, дураком притворялся. Ты притворялся дураком, а я тебе это позволяла. В память

о том декабре. Я и сейчас еще там. Я до сих пор несусь с тобой в той разболтанной машине в Симферополь, к поезду, который отошел от перрона на наших глазах. Я до сих пор пью с тобой каберне из краника в картонной коробке — нам же хватило вина на всю обратную дорогу, помнишь?

— Помню.

— Вот и хорошо. Молодец. — Света устало откинулась на спинку стула и вынула из пачки новую сигарету.

— Ты много куришь, — сказал Андрей.

— И много пью. Поброди по Коктебелю — тебе припомнят много других моих недостатков.

— Ты изменилась, Света.

— Ничуть. Человек вообще не меняется. Просто с переменой обстоятельств проявляются те или иные его качества, которые раньше никак о себе не заявляли, поскольку не было в них надобности. Сейчас из меня полезло это... Я сделалась бесцеремонной, может быть, даже наглой... Эти черты были во мне всегда, но в спящем состоянии. Потом, когда условия моей жизни опять изменятся, они исчезнут и вылезут такие, о которых я сейчас и не догадываюсь. Думаешь, из тебя ничего нового не показалось?

— Что же из меня вылезло?

— Ты был отчаянный и безрассудный. Это ушло. В тебе была хорошая такая, светлая дерзость... Она тоже исчезла, может быть, растворилась в новых твоих качествах, которые для жизни более необходимы.

— Например?

— Осторожность... Разумеется, в хорошем смысле слова. Практичность. Достойная такая практичность взрослого человека.

— В чем же она проявляется?

— Сегодня утром ты пришел с коньяком... Три звездочки. Раньше ты бы вывернул все карманы, но коньяк

взял бы семилетний, одиннадцатилетний... Это не жлобство, не обижайся... Это практичность — чего деньги на ветер бросать... Ты же знаешь, что и тот и другой я выпью одинаково охотно. Мы не виделись год, а ты прошел мимо цветочного базара, и тебе в голову даже не пришло, что неплохо бы цветочек купить захудалый, занюханый какой-нибудь... Были времена, когда ты брал цветы, лучшие из всех имеющихся на прилавке... Помнишь, когда однажды я к тебе в Москву в декабре нагрнула... Ты, конечно, обалдел, но быстро справился с собой и вел себя вполне достойно, хотя у тебя были со мной сложности... Второго декабря не получилось, но... Его и не могло получиться. А вот и Жора пришел... Давай сюда, Жора! Не робей! Давно тебя ждем!

— Друзья мои! Я вас приветствую в этот солнечный день! — с подъемом произнес Жора, подтаскивая стул от соседнего столика. — Как протекает жизнь?

— Вот Света говорит, что она в основном вытекает, — вяло ответил Андрей.

— Что так?

— Размазывает меня по столу, как манную кашу.

— Это она умеет, да, Света? Но ты не переживай — она размажет, она же тебя и в кучку соберет, и форму тебе приличную придаст, и в щечку поцелует. Да, Света?

— Как получится, Жора, как получится.

Жора привычно затиснулся в угол, поставил у ног неизменную свою сумку и, подперев кулаком подбородок, посмотрел на Свету, потом на Андрея.

— Вот вы сидите здесь, беседуете о жизни, как я понимаю...

— О личной жизни, — поправила Света.

— А другой и не бывает, — Жора, кажется, даже удивился ее словам. — Все, что выходит за пределы личной жизни, называется иначе — это уже работа,

деятельность. В худшем варианте — прозябание. Есть еще и подыхание, но это тоже личная жизнь.

— А когда личной жизни нет? — спросила Света.

— А вот тогда только и начинается настоящая личная жизнь, — у Жоры была необычная манера говорить — он начинал говорить громко и напористо, а потом переходил на шепот, как бы подчеркивая этим важность заключительных слов и в то же время давая понять, что не для всех предназначены главные его слова. — Когда однажды тебе покажется... с похмелья ли, или еще после каких-либо счастливых потрясений... Так вот, когда тебе покажется, что у тебя нет никакой личной жизни, это означает только одно — твоя личная жизнь слишком напряжена, слишком многозначна или, прости, многоцелевая. И тебе просто хочется покоя.

— Что нового на поэтическом фронте? — Света, кажется, своевременно прервала разоблачительные слова Жоры.

— Захотелось стихов? Их есть у меня...

Прощай, мой Коктебель, ты мне не по карману,
В иных краях теперь хмельные песни петь.
Прощай, мой Коктебель, я опасаясь спяну,
Вдали от милых мест проститься не успеть...

— Есть и продолжение? — спросил Андрей.

— Прощай, мой Карадаг, свободный от охраны,
Очерченных границ, чинов, моральных пут,
Где до сих пор нас ждут граненые стаканы
И тайну прошлых встреч надежно берегут.

— Я вижу, Жора, что с личной жизнью у тебя тоже не все в порядке? — спросила Света.

— Да, милая девушка... Да! У меня очень плохо с личной жизнью... Но не потому, что мне надоели бесконечные выяснения отношений, ссоры, истерики, ночные телефонные звонки, панические телеграммы, судорож-

ные поездки, все эти аэропорты, вокзалы, причалы... А потому что всего этого мне смертельно не хватает. Открою вам нечто важное... Настоящая личная жизнь наступает, когда с ней не все в порядке. А заканчивается... После тридцати-сорока лет счастливого, безоблачного брака.

— Слава богу, нам это не грозит, — проговорила Света с каким-то нервным смешком.

— Как знать, — произнес Андрей странноватые слова.

Света быстро взглянула на него, кажется, даже легкий испуг промелькнул в ее глазах, и она тут же опустила голову.

— Друзья мои... — Жора помолчал. — Должен сообщить вам печальную новость... Сегодня утром на Карадаге, недалеко от Чертова Пальца, обнаружен труп девочки. Примерно девяти-десяти лет.

— Боже! — Света прикрыла рот рукой. — И что?

Жора с удивлением посмотрел на нее и молча развел руками.

— Она... Убита? Ножом?

— Не знаю, Света. Знакомый мент только что рассказал. Олег, ты знаешь его. Увезли в Феодосию. Что сказать... Как она ночью оказалась у Чертова Пальца? Девочки наши южные рано начинают чувствовать стремление к личной жизни, о которой мы только что говорили. Может, от экскурсии отбилась... Это случается. Ну что, друзья мои... — Жора поднялся. — Рад был вас повидать... Я убедился, что вы в добром здравии. Некоторые ваши слова меня даже порадовали... Не буду их повторять, чтобы не вспугнуть. Хорошие слова пугливые, как юные красавицы. С ними надо быть осторожнее, не выпускать в пространство без толку... И без присмотра не оставлять. Ни на минуту. Андрей, мы еще увидимся. Я на телефоне, ты тоже. Пока, ребята! — И, подхватив

черную свою сумку, которая всегда чуть перекашивала его не слишком могучую фигуру, Жора направился к выходу. Постояв некоторое время, привыкнув к слепящему солнцу, он решительно шагнул на дорогу.

— Уходим? — спросил Андрей.

— Да, пора, — чуть поспешнее, чем нужно, засоби-ралась Света.

— Не так же быстро! — Дождавшись, когда в зале покажется Леша, Андрей помахал ему рукой — дескать, запиши на меня сколько положено. Тот сделал успокаивающий жест — не переживай, все в порядке.

— Ты согласен с тем, что я тебе сказала? — спросила Света.

— О нашем счастливом декабре? Да... Но кое-что происходило иначе.

— Что именно?

— Знаешь, давай остановимся... Нельзя же все точки расставить за одной кружкой пива, — усмехнулся Андрей. — У тебя сохранились эти воспоминания, у меня... Не только эти. Договорим чуть позже. Походи несколько дней с чувством правоты, ладно?

— Как скажешь. — Света поднялась. — Ты сейчас куда?

— К тебе.

— Да? У меня другие планы. Мы с тобой не договаривались...

— Договоримся. — Андрей взял Свету под локоток, перевел через дорогу. — У тебя дома есть инструменты? Обычные — молоток, плоскогубцы, отвертка? Есть?

— Что-то есть... А зачем тебе?

— Увидишь. — В первом же хозяйственном киоске, рядом с рынком, Андрей купил два дверных замка — внутренний, который вставлялся в дверь, и накладной. Старался выбрать подороже, с причудливыми ключами, которые обеспечивали бы полную надежность замков.

Поднявшись на пятый этаж, он, не раздумывая и ничего не объясняя, свинтил со Светиной двери оба замка и вместо них установил новые. Один вставил внутрь двери, второй привинтил к двери со стороны квартиры. После этого попробовал, как закрывается дверь, как срабатывают ключи.

Все действовало четко.

Света все это время молча покуривала на кухне.

— И как это все понимать? — спросила она, когда Андрей закончил работу и положил перед ней ключи.

— А вот так и понимай. Здесь четыре комплекта. Один оставляю тебе, три беру себе.

— Не многовато? Тебе-то зачем три?

— Чтобы ты не вздумала кому-нибудь подарить. Есть у тебя такая привычка. Душа больно широкая. У подружек твои ключи, у друзей... назовем их друзьями, я только сегодня приехал, а у меня в кармане уже твои ключи позвякивают.

— Что же в этом плохого?

— Ты не догадываешься, что по ножу ходишь? Ты думаешь, этот маньяк спокойно спит в своей вонючей кровати только потому, что ты ждешь для него божьей кары? А вдруг ты передумаешь? А вдруг я уговорю тебя показать мне его поганую физиономию? А вдруг милиция докопается и ты как свидетель дашь показания?

— Какой ты умный, Андрюшенька!

— И вот еще что... Давай заканчивать с Андрюшенькой. Нет у тебя повода для этого куража. Нет.

— Ты уверен?

— Да. — Андрей свинтил с колец по одному ключу и положил перед Светой. — Мы еще поговорим о нашем декабре.

— О прошлом декабре?

— Как знать, может, и о будущем язык повернется.

— Думаешь, он будет?

— Обязательно. С нами или без нас, но наступит. Будь осторожна, Света... Я чую шкурой — этот придурок вертится где-то рядом. Пока мы ходили по Коктебелю, он не мелькал в отдалении?

— Почему же в отдалении? — спросила Света, вскинув подбородок, словно подставляя лицо под пощечины. — Он на минутку заглянул к Леше в «Ветерок».

— И видел, как мы покупали замки?

— К тому времени он слинял.

— А меня он видел?

— Ты к нему спиной сидел.

— Я точно не засветился?

— Андрей, успокойся. Я бы сказала.

— И он в самом деле верит, что ты его не сдашь?

— Как видишь... Возникает время от времени.

— Так он действительно придурок?

— Конечно. Но есть и отличия от всех прочих... У него большое беспокойство в штанах, прямо ненормальное. И нож в кармане. Так что, Андрей, я тоже хочу тебя предупредить... Будь осторожнее. Время от времени у него мозги отключаются... И ему все равно, один человек перед ним или десять...

— Леша его видел?

— Нет. В это время его не было в зале.

— Он тоже пиво пил?

— Я же сказала — на минутку заглянул, окинул взором, как говорится. Увидел нас в углу и тут же вышел.

— Ладно, разберемся. — Андрей взял с подоконника картонную папку, механически раскрыл ее — это были рисунки Лены. У нее была странная привычка — на альбомном листе бумаги обводить карандашом по контуру ладонь с раздвинутыми пальцами, не только свои ладошки, но и всех, кто подворачивался под руку. — Она до сих пор этим увлекалась?

— Как видишь.

— Где-то здесь и моя ладошка.

— И не одна, — улыбнулась Света и, взяв у Андрея альбом, перевернула несколько страниц. — Видишь, ладонь Славы не поместилась. — Она закрыла папку и бросила ее на подоконник. — Значит, говоришь, я тоже вела себя не слишком хорошо в том декабре?

— В декабре все было прекрасно. Сбои начались позже. Не будем сейчас об этом... Послушай... Может, мне сюда перебраться?

— Я отвыкла от тебя. Смотрю и прикидываю — да ты ли это... Дай немного присмотреться.

— Тогда ладно, — Андрей поднялся. — Не забывай закрывать дверь. На оба замка. И на два поворота ключа. И кнопку вниз.

— Заметано, — улыбнулась Света.

Каждый раз, приезжая в Коктебель, Андрей как бы заново с ним знакомился, заново привыкал к нему. Были годы, когда он каждый раз в него заново влюблялся. Зубчатый профиль Карадага, восход луны над заливом, каберне на разогретых солнцем бетонных плитах набережной, ночные купания, хмельной треп до рассвета на остывшей гальке пляжа, легкие, необязательные знакомства... Все это когда-то волновало, тревожило, заставляло стремиться сюда, чтобы прикоснуться к недолгому лету. В Москве лета не было — жара, пыль, бензиновая гарь, но не лето.

Однако в этот свой приезд он обнаружил, что никакой радости не испытывает, все просто, буднично, да еще и печально. Пришла мысль, что все в жизни становится хуже, если не безнадежнее. Опять эта центральная, развороченная траншеями улица, тротуар с провалившимися плитами, исчез Дом творчества с парком — а ведь когда-то, совсем недавно, здесь, в пяти

минутах от моря, можно было взять комнату хоть на все лето...

А какая была галька!

Тысячи лет волна обкатывала черные камни с вкрапленными в них голубыми агатами! Вывезли все эти камни вместе с агатами на стройки, погрузили экскаваторами в самосвалы и вывезли! В фундаментные траншеи засыпали. А вместо них завезли на пляжи острый щебень с каменных карьеров...

Но все-таки остались несколько прежних пляжей в бухтах — в Лягушачьей, Сердоликовой, в Бухте-Барахте... А ведь были времена — можно было, ни у кого не спрашивая разрешения, сходить в эти бухты... Уже нельзя. Егеря на охране, все тропки перекрыты. Может, и правильно, заповедник там нынче, но бухты из жизни исчезли, ушла из жизни черная галька с вкрапленными голубыми агатами...

А какая в этих бухтах вода!

Голубая, как агаты...

Ладно, и с этим можно смириться, но как быть с девочкой, на трупике которой в морге насчитали двадцать шесть ножевых ударов... И это Коктебель — солнечный, беззаботный, хмельной? Теперь по вечерам на набережной прогуливаются высокие крепкие ребята в черной форме — десантники из соседней воинской части...

На всякий случай.

«Куда катимся, ребята, куда катимся?» — без конца повторял Андрей, перепрыгивая через траншеи, глиняные кучи, мусорные завалы на центральной улице имени Ленина Владимира Ильича. Конечно, случалось разное и при Волошине, в солнечные довоенные годы, на пустынных тогда еще берегах, пропахших горячей горной полынью. И слезы были, и несчастья, измены, обиды, но какими же они сейчас, в начале двадцать первого века, кажутся милыми и забавными, почти детскими...

Проснувшись утром, Андрей некоторое время лежал без движения, глядя в светлый потолок и пытаясь понять, где он оказался. И только увидев в окне острые скалы Карадага, понял — Коктебель.

Не поднимаясь с дивана, взял с тумбочки мобильник и позвонил Свете.

— Я приветствую вас в это прекрасное утро! — сказал он, стараясь наполнить свой голос утренним солнцем, свежим воздухом, сверкающим морем.

— Привет, — ответила Света. — Выжил?

— Местами.

— Какие чувства обуревают?

— Жажда, — признался Андрей.

— Это поправимо.

— Я ни на что не намекаю, но... Ночь без происшествий?

— Какой-то хмырь пытался войти... Ты вовремя поменял замки.

— Пытался молча?

— Сопел.

— Это был он?

— Вряд ли... Но не исключено, — раздумчиво протянула Света. — Главное — это был не ты.

— Звонков не было?

— Я выключила телефон.

— Получается, что я тут уже под плотным наблюдением.

— С чего ты взял?

— Если он звонил в дверь, значит, знал, что ты одна в квартире. А в «Ветерке» он видел нас вместе. Ты что-то ему обо мне говорила?

— Какие-то слова были, — неопределенно ответила Света. — Может, что-то и произнесла... Тебя ведь не было два года... В Коктебеле два года — это очень мно-